

УЗЛОВЫЕ ТОЧКИ АВТОРСКОЙ СТРАТЕГИИ В АКТЕ ХУДОЖЕСТВЕННО-РЕЧЕВОЙ КОММУНИКАЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ МАЛОЙ ПРОЗЫ В.М. ШУКШИНА)

Г.В. Кукуева

Аннотация. Рассматриваются способы реализации авторского начала на примере текстов рассказов В.М. Шукшина. Их выбор обусловлен заложенной в произведениях писателя особой программой учета точки зрения читателя, установкой на диалог с автором. Доказывается, что важнейшей составляющей авторской стратегии в малой прозе писателя является такой компонент художественно-речевой структуры, как речевая партия повествователя. Устанавливается, что модификации речевой партии, обусловленные работой поэтических приемов (расслоение речевой сферы рассказчика, текст в тексте), эксплицируют узловые точки авторской стратегии, проявляющиеся в разных вариантах взаимодействия речевых слоев внутри партии. Взаимодействие носит волновой характер, что способствует активизации звена читателя в акте художественной коммуникации. Авторская стратегия в текстах малой прозы писателя чаще реализуется имплицитно, что, с одной стороны, дает читателю свободу сотворческого процесса, с другой – доказывает важнейший эстетический принцип В.М. Шукшина: «отразить жизнь правдиво, такой, какая она есть».

Ключевые слова: авторская стратегия; образ автора; образ читателя; композиционно-речевая структура художественного текста; речевая партия повествователя; рассказы В.М. Шукшина.

Введение

Актуализировавшаяся в современном гуманитарном знании коммуникативная парадигма диалогического типа выдвигает на первое место изучение речевой коммуникации как «взаимодействия людей в знаково-символической форме, направленного на конструирование человеком собственного мира, мира Другого, мира социума во всех его проявлениях» [1].

В рамках данной парадигмы текст мыслится в ситуациях художественно-речевой коммуникации, где получает статус «генератора новых смыслов» [2, 3]. Процесс генерирования сообщений базируется на имплицитности звеньев коммуникативной цепи: автор – текст – читатель. Текст, владея некоторым относительно неполным набором языковых «культурных кодов» [3], реконструирует позицию автора, представленную, как правило, одной из литературных масок. В свою очередь, стремление автора быть услышанным и понятым приводит к созданию определенного образа аудитории, активно воздействующего на

реального читателя в качестве «информирующего кода» [3. С. 161]. В малой прозе В.М. Шукшина образ аудитории определяется как образ читателя, занимающего активную позицию. Функция читателя состоит в дешифровке семантически неоднородного образования (текста). Причем шукшинский текст программирует не только факт сотворческой деятельности адресата, но и содержание этой деятельности. Необходимость такого рода программирования кроется в самой речевой ткани текстов. Рассказ «плетется» из разнородного материала и напоминает собой паутину, где автор прячется, а читатель попадает в расставленную сеть в процессе чтения. Текст такого рода, как справедливо замечает Н.Б. Маньковская, «являет собой своеобразный компьютер, характеризующийся быстротой операций творчества и сотворчества автора и его аудитории» [4. С. 29].

Эффективность сотворческого процесса автора и читателя обеспечивается тем, что художественный текст отражает не только результат знаний, переживаний автора-творца, но и его стратегию в сотворческом диалоге с читателем. Отметим, что в данной статье мы развиваем некоторые положения, представленные в работах [5–7]. Авторская стратегия характеризуется нами как концепция реализации коммуникативной (целевой) установки, которая устанавливает с учетом объективных и субъективных факторов и условий коммуникативного акта содержательную и формальную структуру высказывания и от которой зависит употребление языковых средств и стилистических приемов. Узловыми точками авторской стратегии, как считает И.В. Арнольд, «являются особые способы организации контекста, фокусирующие внимание на определенных элементах сообщения, устанавливающие семантически релевантные отношения между элементами <...>, создающие эстетическую и эмоциональную информацию» [8. С. 378].

Материал

В качестве материала исследования нами выбраны тексты малой прозы В.М. Шукшина. Это обусловлено тем, что рассказы писателя представляют собой не традиционное повествование, а некую целостную реплику диалога [9, 10], реализуют важнейший в эстетике В.М. Шукшина принцип рассказывания [11], в котором диалогически сплетаются несколько нарративных звеньев: автора-повествователя, персонажей и самого читателя, подключающегося к акту художественно-речевой коммуникации.

Предмет исследования

Предметом исследования в настоящей работе являются модификации речевой партии повествователя (далее – РПП). Будучи компо-

нением словесно-речевой структуры, РПП представляет собой составной текст [6], структурирующийся из взаимодействующих речевых слоев: собственно речевого слоя повествователя (монолог, ремарка), несобственно речевого слоя повествователя (включения конструкций с чужой речью в авторское повествование), аппликативного (цитатные включения).

Близость повествователя к образу автора позволяет говорить о том, что именно в структурных и семантических особенностях РПП и в ее модификационных вариантах кроются коммуникативные установки автора. Действительно, динамическое многоголосие, присущее авторской партии, волновой принцип взаимодействия в ней речевых слоев, смысловая емкость и энергетическая спрессованность информации внутри них, прерванность авторского «слова» – все это знаки авторской стратегии, направленной на дискредитацию единственно авторитетной (авторской) точки зрения и на активизацию читателя по самостоятельному поиску нити-интерпретанты через «речевую действительность».

Исследование

В поэтике В.М. Шукшина художественный текст мыслится не как «сделанный конструктор», а как живая жизнь во всех ее проявлениях [12]. Данное положение подкрепляется способами реализации авторской стратегии. Имплицитность ее проявления позволяет сохранить иллюзию незаданности художественного текста, представить его как семиотически неоднородное образование, смысл которого рождается через диалогическое соединение и семантическое приращение взаимонепереводимых пластов художественного текста и текста, порожденно-го адресатом в процессе интерпретации. Весь этот процесс носит творческий характер, потому как его результатом выступает текст-интерпретация, созданный на основе диалогических отношений с автором, чей лик проявляется через определенный набор стратегических действий с читателем. Общая задача такого текста может быть определена высказыванием П. Рикера: «<...> сама работа по интерпретации обнаруживает глубокий замысел – преодолеть культурную отдаленность, дистанцию, отделяющую читателя от чуждого ему текста, чтобы поставить его на один с ним уровень» [13. С. 4].

Представленность РПП в виде открытого текста, стимулирующего игру цитатами, позволяет нам говорить о модернистской модели нарратива, предполагающей разрушение иерархичности структуры РПП и выдвижение явления прерывистости в ее организации. В связи с вышеизложенным данный текст можно отнести к системам, кодовая природа которых неизвестна до начала художественного восприятия. Это – эстетика не отождествления, а противопоставления [14. С. 238].

Специфика текста РПП в рамках модернистской традиции состоит в сдвиге характера локализации автора в ее структуре. Именно поэтому в речевой композиции рассказов В.М. Шукшина поведение автора обозначается как некая игра, реализующаяся в акте художественной коммуникации. Авторская стратегия по-разному проявляет себя даже в отдельно взятом фрагменте текста. В силу подвижности точки зрения автор то сближается с персонажами, перевоплощается в них, надев соответствующую маску, то, напротив, отделяется, эксплицитно демонстрируя перед читателями свой лик.

Так, например, в текстовом фрагменте рассказа «Страдания молодого Ваганова» наблюдается сближение оценок повествователя и главного героя, что приводит к многосубъектности повествовательного звена: *Вот с этим-то письмом в портфеле и шел сейчас к себе на работу молодой Ваганов. Предстояло или на работе, если удастся, или дома вечером дать ответ Майе. И он искал слова и обороты, какие должны быть в его письме, в письме простом, великодушном, умном. Искал он такие слова, находил, отвергал, снова искал... А сердце нет-нет да подмоет: «Неужели же она моей будет?» <...> Целиком занятый решением этой волнующей загадки в своей судьбе, Ваганов прошел в кабинет <...>. Но тут дверь кабинета медленно, противно заныла... В проем осторожно просунулась стриженная голова мужчины <...>.* Данный фрагмент текста демонстрирует подвижность авторского звена. Сначала автор заявлен маской синхронного наблюдателя, присутствующего на месте действия. Единство пространственно-временного континуума героя и повествователя объясняется семантикой дейктических элементов «*вот с этим-то письмом*», «*сейчас*», «*тут*». Далее стилистика и синтаксис авторской речи оказываются под влиянием внутреннего состояния Ваганова. Авторское изложение подчиняется переживаниям героя, связанным с полученным письмом. Лексические повторы, недосказанные фразы, ряды однородных сказуемых фиксируют мучительный процесс в душе героя: «*искал*», «*находил*», «*отвергал*», «*снова искал*». Элемент внутренней речи Ваганова, введенный в авторский монолог в форме конструкции с прямой речью, не только диалогизирует повествование, но и свидетельствует о взаимопроникновении субъектно-речевых линий повествователя и героя. Восприятие и оценка событий пропускаются через призму взгляда главного героя: «*дверь кабинета медленно, противно заныла*», «*в проем осторожно просунулась стриженная голова мужчины*».

Сдвиг стабильной локализации авторской позиции связан с определенной коммуникативной установкой и закономерным образом влияет на организацию структуры РПП, определяет энергетическую емкость и семантическую многоплановость информации, расшифровывая которую, читатель выходит на уровень постижения авторской концептуальности.

РПП рассказов Шукшина присущи два варианта реализации авторской смысловой позиции: 1) *имплицитно*, посредством чужого «слова», через диалогическое взаимодействие коннотативных смыслов «своего» и «чужого» в рамках авторского высказывания; при этом взаимодействие, как правило, выливается в полифоническое повествование (голоса повествователя и персонажей слиты в единое целое) либо в диалогическое многоголосие (каждый голос – выразитель определенной смысловой позиции); 2) *эксплицитно*, через взаимопроникновение авторских смысловых интонаций и интонаций повествователя (рассказчика). Этот тип представления авторского лика в целом не характерен для рассказов В.М. Шукшина, наблюдается он лишь в тех повествовательных фрагментах, где речевая линия образа повествователя (рассказчика) расширяется до пределов образа автора (например, рассказы «Кляуза», «Жил человек»).

Одной из узловых точек реализации авторской стратегии являются модификации РПП. Они базируются на работе приема расслоения речевой сферы рассказчика и приема «текст в тексте». Функционирование данных приемов приводит к усложнению субъекта семантики (имеется в виду субъект речи), который преследует «значение референциальной определенности / неопределенности» [14. С. 243]. Признак определенности требует стабильно локализованного в структуре текста повествователя. Все элементы текста в таком случае получают непротиворечивую интерпретацию через одно единственное повествующее звено – фигуру повествователя или рассказчика, при этом требуется установление «дейктического паритета» [Там же] между автором и читателем. Но поскольку в РПП рассказов В.М. Шукшина нарративную функцию выполняет не только повествователь, но и персонажи (главные, второстепенные, «необозначенные»), то есть смысл говорить о неопределенности в обозначении повествовательного звена. При этом дейктический паритет также не определен, он заявлен имплицитно, лишь через отдельные сигналы.

Рассмотрим более подробно, каким образом модификации РПП реализуют авторскую стратегию в акте художественно-речевой коммуникации.

1. Прием расслоения речевой сферы рассказчика (рассказ «Горе»). Организация данного приема базируется на переплетении нескольких пространственно-временных континуумов, представляющих собой детские воспоминания рассказчика. Точка зрения рассказчика в различных композиционно-речевых формах передает особенности его «сегодняшнего» мировосприятия и того, каким оно было в момент изображаемых в рассказе событий (рассказчик одновременно субъект и объект повествования). В результате этого создается многоступенчатость повествования. События при этом претерпевают определенную

«ретрансляцию», становясь многослойными, поскольку «расщепление» субъектной сферы рассказчика обуславливает двуплановость повествования. На этом основании мы можем утверждать, что собственно речевой слой РПП представляет собой сложное образование, сотканное из двух пространственно-временных пластов, маркируемых двумя субъектно-речевыми линиями: взрослого рассказчика и мальчика, чье «слово» вводится через акт воспоминания. Основная смысловая нагрузка ложится на авторский диалогизированный монолог, выступающий в качестве доминантного на фоне остальных типов и форм речи.

Проанализируем показательный в этом отношении фрагмент текста: *«У дедушки Нечаева три дня назад умерла жена, тихая, безответная старушка. Жили они вдвоем, дети разъехались. Старушка Нечаева, бабка Нечаиха, жила незаметно и умерла незаметно. Узнали поутру: “Нечаиха-то.., гляди-ко, сердешная”. Вырыли могилку, опустили бабку Нечаиху, зарыли – и все. Я забыл сейчас, как она выглядела. Ходила по ограде, созывала кур: “Цып – цып – цып...” Ни с кем не ругалась, не заполошничала по деревне. Была – и нету, ушла».*

Сигналом эвоцирования «ретроситуации» выступает лексический элемент *«три дня назад»*, семантика которого конкретизирует время совершения события, обозначенного глагольной формой *«умерла»*. Указание на точный временной промежуток свидетельствует о «приостановке» основного времени повествования. Благодаря временному плану, отраженному в речи рассказчика-мальчика, у читателя создается иллюзия «вхождения» в ситуацию, очевидцем которой был ребенок. Глагольные формы прошедшего времени совершенного и несовершенного вида организуют речь рассказчика взрослого человека. Примечательно, что глаголы, характеризующие поведение героини, употреблены в форме несовершенного вида: *«жила»*, *«выглядела»*, *«ходила»*, *«созывала»*. Данные единицы обозначают постоянный вневременной признак, характеризующий образ старухи. Прошедшее время несовершенного вида глаголов формирует бытийный пространственно-временной континуум, в котором нет границ. Предикаты совершенного вида прошедшего времени выстраиваются в своеобразную цепочку последовательных глагольных действий: *«вырыли»* глагол со значением осуществляемого действия → *«опустили»* – предикат со значением помещения кого-либо в результате физического действия → *«зарыли»* предикат с семантикой «укрытия» объекта. Их последовательная связь актуализирует «конструирование» читателем конкретной ситуации, имплицитно представленной в РПП. Особую значимость в контексте «слова» взрослого рассказчика приобретает несовпадение морфологического и синтаксического времени, наблюдающееся в предложении *«Я забыл сейчас, как она выглядела»*. Несовпадение категориального значения времени создает иллюзию сиюминутности речи рассказчика, про-

исходит переход из времени-пространства прошлого во время-пространство сегодняшнее, соответственно, осуществляется и «перемещение» читателя.

Сосуществование в собственно речевом слое двух «рассказов» об одном событии, а следовательно, и двух голосов, двух точек зрения, способствует расширению авторского контекста, созданию его семантической глубины. При этом объем вторичных воспроизведенных речевых слоев – несобственно речевого слоя повествователя и аппликативного в структуре составного текста РПП заметно уменьшается. Обозначившийся модификационный вариант РПП – в рассказе «Горе» имеет функциональную значимость в акте художественно-речевой коммуникации, поскольку решает ряд задач, отражающих авторскую целеустановку в диалоге с читателем.

1. Реализация образа рассказчика двумя ипостасями – «я» рассказчика ребенка и «я» рассказчика взрослого человека – разрушает стабильность локализации автора в тексте, приводит к нивелированию авторского сознания как единственно авторитетного. Авторская позиция оказывается скрытой в двух диалогически пересекающихся речевых линиях, повествующих об одном событии, причем в информативном отношении данные «линии» не равны. Содержательная сторона «слова» взрослого рассказчика намного шире «слова» ребенка. Повествование от лица мальчика – это повествование об увиденном и услышанном сейчас, в момент свершения события; повествование с точки зрения взрослого человека – это не только воспроизведение фрагментов прошлого события, но и их анализ, осмысление с точки зрения «сегодняшнего» момента. РПП с собственно речевым слоем повествователя такого рода требует от читателя повышенной активности, самостоятельного поиска интерпретационной нити и особых усилий в распознавании имплицитно представленной авторской точки зрения.

2. Свойственные собственно речевому слою повествователя «перехлесты» пространственно-временных линий являются стилистическим приемом, посредством которого осуществляется воздействие на адресата, регулируется его диалог с текстом РПП. Действительно, повествование с точки зрения говорящего субъекта-мальчика, представляющего конкретное место действия в настоящий момент (синхронный аспект), создает иллюзию ввода читателя в факт свершения этого действия, делает его соучастником описываемого события и позволяет интерпретировать происходящее как бы изнутри, отталкиваясь от смысловой позиции «я» рассказчика мальчика как от своеобразной точки отсчета. Возможность введения читателя в ситуацию свершающегося действия, способ этого введения являются своеобразными знаками авторской стратегии, ибо в закодированном виде они программируют содержание деятельности читателя. «Ввод» в ситуацию активизирует

перцептивные возможности читателя, заставляет через призму своего взгляда наблюдать, анализировать и интерпретировать совершившееся событие. Повествование с точки зрения рассказчика взрослого человека переносит читателя в диахронный аспект описания событий, позволяет оценить и интерпретировать последнее отстраненно, через призму смысловой позиции взрослого человека.

Благодаря смене пространственно-временных ракурсов, осуществляется динамическое движение читателя в диалоге с текстом. Если в собственно авторском повествовании, представленном в модели композиционно-речевой структуры, читатель в отличие от автора неподвижен («Беседы при ясной луне», «Жена мужа в Париж провожала», «Леля Селезнева с факультета журналистики», «Осенью», «Ваня, ты как здесь?!» и др.), то в данном варианте он так же, как и автор, теряет стабильность локализации при восприятии составного текста РПП. Динамика движения читателя по субъектно-речевой плоскости рассказчика призвана отразить динамику диалога с автором, ибо «мерцание» пространственно-временных континуумов в собственно речевом слое повествователя – это есть элемент авторской стратегии, эксплицирующей игру-диалог с читателями. Через это «мерцание» автору важно репрезентировать перед адресатом условное событие, сотканное из некоторого количества отдельных фрагментов, так как только восприятие его во всем многообразии поможет читателю распознать скрытое «авторское отношение»: «человеческие дела должны быть в центре внимания рассказа <...>, когда они попадают, наконец, не стол в качестве материала, тут надо, наверно, укрепиться мужеством и изгонять все, что отвлекло бы внимание читателя от их сущности» [11. С. 367].

3. Малый объем вторичных воспроизведенных слоев РПП находится в зависимости от субъектной семантики, представленной в рассказе «Горе». Диегетический повествователь-наблюдатель является звеном, концентрирующим вокруг себя все действия, ибо цель рассказчика – воспроизвести перед читателем события далекого прошлого. Основным приемом, диктующим двуплановость повествования, является расслоение речевой сферы говорящего субъекта путем диалогического наслоения двух субъектно-речевых линий в собственно речевом слое повествователя. Спорадический ввод в авторское повествование чужого «слова» и, как следствие, представленность последнего малым объемом в РПП рассказа «Горе» есть реализация стратегии диалога автора с читателем. В данном случае ее суть состоит в показе через авторское «слово» интимной стороны души человека, переживающего смерть ближнего, именно поэтому так важна реализуемая в рассказе смысловая оппозиция переживания старика / переживания мальчика за старика. Репрезентация внутреннего мира души, обнаженной в критической ситуации, требует от автора глубины, а не широты изображения.

Формирование «глубины» идет по линии расщепления речевой сферы рассказчика. Широта в структуре авторского повествования, как правило, создается за счет активного ввода в авторский контекст чужого «слова», благодаря которому герои и события получают разноплановую характеристику, а через это различие мнений в итоге создается некий целостный образ изображаемого.

4. Воспроизведенные слои: несобственно речевой слой повествователя (рассказчика) и аппликативный органически вплетаются в авторский контекст, рассеиваются в нем таким образом, что практически их невозможно вычлениить без нарушения структурной и смысловой целостности последнего.

Таким образом, чужое высказывание, представленное в рассматриваемых слоях РПП, призвано ликвидировать явление коммуникативной несамодостаточности авторского контекста, возникающей в случае отсутствия чужого «слова». На основе этого в модификации РПП устанавливается креативная связь между авторским высказыванием и чужим, часто воспроизводящим ситуацию или ее элементы, оставшиеся за рамкой повествования.

Такого рода контакт между субъектно-речевым планом диетического повествователя и субъектно-речевым планом персонажей приобретает особую значимость, ибо в совокупности репрезентирует перед читателями ситуацию как фрагмент мира.

Представленные положения свидетельствуют о том, что организация РПП в рассказе «Горе» – это своего рода проявление авторской стратегии. Благодаря работе приема субъектного расслоения речевой сферы рассказчика, обе фигуры коммуникативного акта являются подвижными, поэтому контакт осуществляется в виде взаимонаправленного процесса, что облегчает понимание читателем воспринимаемого текста. Автор и читатель получают возможность двигаться по повествовательной перспективе. Это движение влияет на объем передаваемой информации, отражает разные варианты поведения адресата и адресанта в игре-диалоге.

2. Прием «текст в тексте» (рассказ «Постскрипtum»). На основе данного приема в рассказе организуется интертекстуальный ввод целостного текста письма, принадлежащего одному из персонажей, в текст повествователя. В результате такого включения последний приобретает статус произведения с двоичным кодом, в котором имеют место два разных субъекта речи, две разные смысловые позиции. Двойная характеристика текста письма отражается на его композиционном оформлении. Выступая в функции некой реалии, взятой из внешнего мира, данный текст графически оформляется как цитируемое чужое высказывание: имеются репрезентирующий ввод (авторская ремарка) *«Оно показалось мне интересным. Вот оно»*, кавычки, абзацное члене-

ние, фиксирующее переход от одного вида коммуникативной организации текстового фрагмента к другому; сигналом ввода одного текста в другой служит номинация «ЧУЖОЕ ПИСЬМО», заявленная в начале повествования. При этом РПП, открывающая рассказ, может быть охарактеризована как своеобразное обрамление по отношению к речи персонажей. Однако многочисленные средства когезии дают все основания говорить о диалогических отношениях между исходным и воспроизведенным текстом. Связующими звеньями рассматриваемых текстов служат также синтаксические конструкции, в которых фиксируется факт сопричастности субъекта речи основного текста тексту письма, выступающему в функции «вещи»: *«Это письмо я нашел в номере гостиницы, в ящике длинного узкого стола, к которому можно подсесть только боком»*. Рассказчик оказывается в том же номере гостиницы, где когда-то было написано письмо. Связь двух текстов видится и во влиянии элементов речи автора письма на речь рассказчика: *«А шишечка эта на окне – правда, занятная: повернешь влево – такой зеленоватый полумрак в комнате, повернешь вправо – светло. Я бы дома сделал такую штуку. Надо тоже походить по магазинам поспрашивать: нет ли в продаже»*. Высказывание построено в русле разговорного синтаксиса: преобладают бессоюзные сложные предложения. Наблюдается активное использование цитации, отдельных лексем и целых фраз: *«повернешь влево – <...> полумрак, повернешь вправо – светло», «надо <...> походить по магазинам поспрашивать»*. Вкрапление цитат, взятых из письма, функционально значимо: «слова» героя – автора письма, активно воздействуя на речь рассказчика, словно поглощают ее, «рассасывают» стилевое единство текста рассказчика. Дейктические элементы *«правда», «тоже»* со значением присоединения, добавления делают высказывание рассказчика своеобразной «ответной репликой», подтверждающей истинность, реальность сообщаемого в письме. Таким образом, возникает явление внешнего «интертекстуального диалога» [15. С. 19] между РПП «основного» текста и речью автора письма.

Межтекстовые связи, реализуемые с помощью дейктических элементов и синтаксических конструкций, создают вертикальный контекст рассматриваемого рассказа, в связи с чем он приобретает неоднородность, неоднозначность смысла. Взаимопроницаемость семантики двух текстов служит базой для организации смысловой игры адресата и адресанта.

На уровне композиционно-речевой структуры целостный текст сочинителя письма входит в РПП как один из вторичных воспроизведенных слоев: несобственно речевой слой повествователя (рассказчика). Данный текст, представленный в форме письменного рассказа с элементами сказовой формы повествования, как любой «рассказ», предполагает обязательный преднамеренный и непреднамеренный ввод

чужого «слова» как базы для формирования его структурных элементов. На этой основе в рассматриваемом слое выделяется несколько речевых слоев второго порядка: собственно речевой слой рассказчика и воспроизведенный посредством цитации несобственно речевой слой.

Основным повествовательным звеном в тексте рассказа оказывается несобственно речевой слой повествователя, репрезентированный текстом письма. Собственно речевой слой повествователя (рассказчика) и аппликативный выполняют функцию сопутствующих элементов. Информационный потенциал двух последних слоев восполняется за счет семантической емкости первого слоя.

Таким образом, структурная и смысловая целостность модификации РПП рождается не на основе волнового принципа взаимодействия равнозначных субъектов, а на основе смыслового притяжения собственно речевого и аппликативного слоев к несобственно речевому слою повествователя (рассказчика).

Текст письма, предлагаемый конкретному адресату, а через факт опубликования – «всякому читающему», выполняет важную лингвопоэтическую функцию, заключенную в предложении читателю одного из вариантов рассказа о человеке: от лица его самого и через его прямую речь. Оформление речи героя в жанре письма, которое, как известно, относится к документам интимного характера – это способ правдивого показа человека. Реализация этой установки объясняет структурные и семантические особенности модификации РПП в данном рассказе и доказывает их значимость в передаче информации от автора к читателю.

1. Структурные элементы несобственно речевого слоя повествователя (рассказчика) представляют собой диалоговые реплики, преобразованные по законам письменной формы изложения. Волновой принцип взаимодействия данных элементов в рамках речевого слоя рассказчика (автор письма), во-первых, реализует энергетический потенциал всего слоя, во-вторых, сигнализирует о воспроизведении ситуации, оставшейся за рамками повествования.

Диалогичность собственно и несобственно речевого слоев рассказчика является своеобразной смысловой меткой ориентации на активное читательское восприятие, посредством данных слоев читатель восстанавливает событие, интерпретирует его, вступая тем самым в скрытый диалог с автором.

2. Модификационный вариант взаимодействия слоев РПП, обозначенный нами как смысловое притяжение собственно речевого слоя и аппликативного к несобственно речевому слою повествователя (рассказчика), есть реализация авторской целеустановки в акте художественной коммуникации. Малый объем собственно речевого слоя повествователя и аппликативного, присущая им эллиптичность структуры и семантики приводят к их коммуникативной несамодостаточности, а

следовательно, и к ориентации на диалог с адресатом, ибо восполнение структурной и семантической неполноты синтаксических конструкций, которыми репрезентированы данные слои, осуществляется через диалогический контакт с несобственно речевым слоем повествователя (рассказчика), именно этот «контакт» предстоит распознать читателю.

В результате смыслового притяжения собственно речевого слоя и аппликативного к несобственно речевому слою повествователя развивается своеобразный диалог между автором-повествователем, сочинителем письма и персонажами. В этом диалоге собственно речевой слой повествователя и аппликативный – ответные реплики – реакции на реплику (письмо) рассказчика. Такого рода организация РПП – это смысловой знак авторской стратегии, ориентированной на образ читателя, способного применить максимум усилий по расшифровке подобного текста.

Сам факт проникновения диалоговой формы в повествовательную, преобразование РПП и ее структурных элементов по типу диалоговых реплик воссоздают ситуацию живой разговорной речи, непринужденной беседы, ибо оформленность слоев репликами позволяет им вступить в речетворческий процесс создания цельного текста рассказа, имитирующего устную речь. Именно поэтому шукшинский вариант «рассказать о человеке» реализуется через прямую речь самого героя, обозначенную в форме письма, а авторское повествование в беседе с героем – это своеобразная ответная реакция.

Диалоговая форма общения, реализуемая в РПП риторическим приемом «текст в тексте», выполняет функцию прагматического начала, так как диалог может состояться только в случае наличия собеседника и контакта с ним. Поэтому авторское повествование, представленное как реплика диалога, изначально требует адресата, собеседника, который вовлекается в текст от его начала и до конца посредством смысловых меток. Смысловые метки служат для читателя ориентиром в диалоге с текстом, а через него и с самим автором, прогнозируют содержание деятельности читателя. Вступая в спор, адресат уже владеет некоторым объемом информации и строит свою реплику, частично основываясь на содержании предыдущей, направляет свое высказывание на реализацию коммуникативного задания. Само название рассказа «Постскриптум» – «приписка в письме после написанного, после подписи» ориентирует читателя на незаконченный диалог с адресантом.

Итак, риторическое построение «текст в тексте» рождает еще одну модификацию РПП. Структура организации авторской речи и всего текста в целом – знак авторской стратегии.

Структурирование несобственно речевого слоя повествователя (текст письма) внутри РПП приводит в переакцентировке информативных возможностей двух других слоев речевой партии. Определение

несобственно речевого слоя как смыслового центра в РПП, как уже было отмечено, есть реализация стратегии, эксплицирующей авторскую целеустановку: репрезентировать перед читателями рассказ о человеке через его же речь, вот почему особую смысловую нагрузку в рассматриваемом слое получают разговорные и сказовые элементы. Контакт читателя с персонажем через речь последнего возможен в ситуации устного диалога или условно устного, как в данном рассказе. В результате такого контакта синтаксическими и лексическими особенностями речи персонажа-сочинителя письма создается своеобразная атмосфера доверительности, достоверности сюжетно-композиционной раскованности (в частности, стоит отметить такие особенности речи рассказчика, как нарушение логической целостности повествования, самоперебивы, внезапные переключения повествовательного звена от одного события к другому) – основополагающих признаков диалога.

Характер диалогического взаимодополнения слоев РПП реализует диалог, имеющий прагматическую направленность. Этот диалог есть смысловая метка скрытого взаимодействия автора с читателем.

Заключение

Два варианта организации речевой композиции текстов рассказов В.М. Шукшина – это две важнейшие узловые точки репрезентации в РПП авторской стратегии: в первом случае она (стратегия) реализуется через имплицитный диалог-игру с читателем, во втором – через преобразованный устный диалог, в котором несобственно речевой слой повествователя (текст письма) – реплика-стимул, а собственно речевой слой повествователя (рассказчика) и аппликативный – реплики-реакции. Реализация авторской стратегии связана с установкой рассказать о человеке изнутри («Горе») или рассказать о человеке от лица его самого («Постскриптум»).

Образ автора в рассказах В.М. Шукшина «Горе», «Постскриптум» глубоко скрыт в диалогическом взаимодействии слоев РПП, и это закономерным образом позволяет автору не навязывать читателю своей позиции. Однако ключевое звено авторского лика – авторская стратегия – проявляет себя и в отборе языкового материала, в использовании поэтических приемов, в организации механизма взаимодействия речевых слоев в структуре РПП. Поэтому мы можем говорить, что авторская смысловая позиция не декларируется как некий манифест, а выражается «мозаичными» фрагментами, закодированными в тексте. Для жизнедеятельности текста такого рода нужен активный читатель, факт и содержание деятельности которого изначально детерминированы всей организацией текста. Авторская стратегия, в свою очередь, является звеном, направляющим читателя на самостоятельный поиск нити-интерпретанты, на реализацию содержания деятельности последнего.

Литература

1. *Чувакин А.А., Земская Ю.Н., Качесова И.Ю., Панченко Н.В., Чернышова Т.В.* Основы общей риторики : учеб. пособие. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2013. 194 с.
2. *Кузьмина Н.А.* Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та ; Омск : Омск. гос. ун-т, 1999. 268 с.
3. *Лотман Ю.М.* Избранные статьи : в 3 т. Таллинн : Александра, 1992. Т. 1. 480 с.
4. *Маньковская Н.Б.* Эстетика постмодернизма. СПб. : Алетейя, 2000. 347 с.
5. *Кукуева Г.В.* Авторская стратегия как одно из оснований типологического описания рассказов В.М. Шукшина // Сибирский филологический журнал. 2006. № 1–2. С. 40–48.
6. *Кукуева Г.В.* Рассказы В.М. Шукшина: лингвотипологическое исследование. Барнаул : БГПУ, 2008. 284 с.
7. *Кукуева Г.В.* Категория повествователя как параметр типологизации текстов малой прозы (на материале рассказов В.М. Шукшина) // Вестник Алтайского государственного педагогического университета. 2010. № 4. С. 28–34.
8. *Арнольд И.В.* Семантика. Стилистика. Интертекстуальность : сб. ст. СПб. : Изд-во СПб. ун-та, 1999. 444 с.
9. *Деминова М.А., Кукуева Г.В., Чувакин А.А.* Диалогичность прозы В.М. Шукшина // Материалы V Всероссийской научной конференции «В.М. Шукшин. Жизнь и творчество», посвященной 70-летию со дня рождения В.М. Шукшина. Барнаул, 2000. С. 3–22.
10. *Чувакин А.А., Демидова Е.В., Малыгина Э.В.* Творчество В.М. Шукшина в пространстве коммуникации. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2015. 132 с.
11. *Шукшин В.М.* Как я понимаю рассказ // Я пришел дать вам волю: Роман. Публицистика. Барнаул : Алт. книж. изд-во, 1991. С. 365–368.
12. *Givens J.* Translators' Note // Vasily Shukshin, Stories from a Siberian Village. De Kalb. Illinois, 1996.
13. *Рикер П.* Конфликт интерпретаций. Очерки по герменевтике. М. : КАНОН-пресс-Ц, 2002. 263 с.
14. *Дымарский М.Я.* Проблемы текстообразования и художественный текст (на материале русской прозы XIX–XX веков). СПб. : Эдиториал УРСС, 1999. 284 с.
15. *Фатеева Н.А.* Интертекстуальность и ее функции в художественном дискурсе // Известия РАН. Серия литературы и языка. 1997. Т. 56, № 5. С. 12–21.

Поступила в редакцию 29.06.2016 г.

Сведения об авторе:

Кукуева Галина Васильевна, доцент, доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания Алтайского государственного педагогического университета (Барнаул, Россия). E-mail: kupala@inbox.ru.

NODAL POINTS IN THE STRATEGY OF THE AUTHOR IN THE ACT OF LITERARY AND SPEECH COMMUNICATION (ON THE BASIS OF SMALL PROSE BY V.M. SHUKSHIN)

Kukuyeva G.V., Doctor of Sciences (Philology), professor, Department of General and Russian Linguistics, Altai State Pedagogical University (Barnaul, Russia). E-mail: kupala@inbox.ru

DOI: 10.17223/19996195/35/3

Abstract. The article is aimed to examine the ways of implementation the strategy of the author in a literary text. The material of the study is small prose by V.M. Shukshin. This

choice is due to the special writer's program of which takes into account the reader's point of view, the setting on a dialogue with the author pledged in the stories. The character of the material allowed to say that the most important component in the strategy of the author in V.M. Shukshin texts is speech of the narrator, which modifications is due to functioning of poetic approaches "layers of speech sphere of the storyteller" and "the text in the text". It's found out in the paper that functioning of these approaches not only changes the speech, but it does affect the implementation of the author's strategy as a whole. During of the analysis the following results are obtained. In modification of the narrator's speech (story "The Grief") dialogical juxtaposition of two subjective-speech lines in the proper speech layer of the narrator is marked: the child narrator and the adult narrator. Small volume of the improperly speech layer of the storyteller (the narrator) and applicative layer is dependent on the subjective semantics presented in the story. These layers are integrally woven into the author's context dispersing therein so that it is practically impossible to isolate them without disturbing the integrity of the structure and semantic of the whole speech. Such structure of the author's speech is one of the signs of the author's strategy to provoke the reader to decipher the two space-and-time continua, driving all the narrative text. Modification of the narrator's speech in the story "The Postscriptum" is characterized by semantic attraction the proper speech and applicative layers to the layer of improperly speech of the storyteller (the narrator). Small volume of the proper speech layer and the applicative layer of the narrator, ellipticity of the structure inherent to them and semantics leads to their communicative self-insufficiency and, consequently, to focus on dialogue with the addressee. Restoration of structural and semantic incompleteness of the layers is implemented through dialogical contact with the improperly speech layer of the storyteller (the narrator). It is this "contact" is to be recognized by the reader. Functioning of the poetic approaches at the organizational level of the narrator's speech facilitates the wave-like interaction of the speech layers in the structure of the speech and, as a result, puts in the first place co-creative process of the author and the reader to decipher the complicatedly arranged text.

Keywords: author's strategy; image of the author; image of the reader; composite and speech structure of the art text; speech party of the storyteller; V.M. Shukshin's stories.

References

1. Chuvakin A.A., Zemskaya YU.N., Kachesova I.YU., Panchenko N.V., Chernyshova T.V. (2013) *Osnovy obshchej ritoriki: uchebnoe posobie*. [Fundamentals of the general rhetoric: manual]. Barnaul: Izdatel'stvo altajskogo universiteta.
2. Kuzmina N. A. (1999) *Intertekst i ego rol' v processah jevoljucii pojeticheskogo jazyka*. [Intertekst and its role in the processes of evolution of poetic diction]. Ekaterinburg: Izd-vo Ural'skogo un-ta; Omsk: Omskij gosudarstvennyj universitet.
3. Lotman Ju.M. (1992) *Izbrannye stat'i v 3-h t. T. 1*. [Selected articles: in 3 vols. T. 1]. Tallinn: Aleksandra.
4. Mankovskaya N. V. (2000) *Jestetika postmodernizma*. [Postmodernism esthetics]. St. Petersburg: Aleteija.
5. Kukuyeva G.V. (2006). Avtorskaya strategiya kak odno iz osnovanij tipologicheskogo opisaniya rasskazov V.M. SHukshina [Author's strategy as one of the bases of the typological description of stories of V. M. Shukshin]. *Sibirskij filologicheskij zhurnal - Siberian Journal of Philology*. No 1-2. pp. 40-48.
6. Kukuyeva G.V. (2008) *Rasskazy V.M. Shukshina: lingvotipologicheskoe issledovanie: monografiya* [V. M. Shukshin's stories: linguotypological research: monograph]. Barnaul: Barnaul'skij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet.
7. Kukuyeva G.V. (2010) Kategoriya povestvovatelya kak parametr tipologizacii tekstov maloj prozy (na materiale rasskazov V.M.Shukshina) [Category of the storyteller as the parameter of a typologization of texts of small prose (on the material of V. M. Shukshin's

- stories)] *Vestnik Altajskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta - Altai State Pedagogical University's Bulletin*. No. 4. pp. 28-34.
8. Arnold I.V. (1999) *Semantika. Stilistika. Intertekstual'nost': Sbornik statei*. [Semantics. Stylistics. Intertextuality: Collection of articles.]. St. Petersburg: Izdatel'stvo St.-Peterburgskogo universiteta.
 9. Deminova M.A., Kukueva G.V., Chuvakin A.A. (2000) *Dialogichnost' prozy V.M. SHukshina* [Dialogism of prose of V. M. Shukshin]. Materialy V Vserossijskoj nauchnoj konferencii «V.M. SHukshin. ZHizn' i tvorchestvo» - Proceedings of the V All-Russian Academic Conference "V. Shukshin. Life and Work". pp. 3-22.
 10. Chuvakin, A.A., Demidova E.V., Malygina E.H.V. (2015) *Tvorchestvo V.M. SHukshina v prostranstve kommunikacii* [V. M. Shukshin's creativity in the communication space]. Barnaul: Izdatel'stvo altajskogo universiteta.
 11. Shukshin V.M. (1991) Kak ja ponimaju rasskaz. [How I understand the story]. *Ja prishel dat' vam volju: Roman. - I have come to give you vent: Novel*. Barnaul: Altaiskoe knizhnoe izd-vo.
 12. Givens J. (1996). *Translators' Note. Vasily Shukshin, Stories from a Siberian Village*. De Kalb. Illinois.
 13. Riker P. (2002) *Konflikt interpretacij. Ocherki po germenевtike*. [The conflict of interpretations. Essays on a hermeneutics]. Moscow: CANON-press C.
 14. Dymarsky M. Ya. (1999) *Problemy tekstoobrazovaniya i hudozhestvennyj tekst (na materiale russkoj prozy 19-20 vekov)*. [Problems of the text formation process and the literary text (on the material of the Russian prose of 19-20 centuries)]. St. Petersburg: Yeditorial URSS.
 15. Fateeva of N.A. (1997) Intertekstual'nost' i ee funkicii v hudozhestvennom diskurse [Intertextuality and its functions in an art discourse]. *Izvestija RAN. Seriya literatury i jazyka - Bulletin of the Russian Academy of Sciences. Series of Literature and Language*. Vol. 5 (56). pp. 12-21.

Received 29 June 2016